

DOI 10.23859/1994-0637-2019-1-88-12
УДК 81'23

© Чиглова Е. И., 2019

Чиглова Елена Ильинична

Старший преподаватель,
Череповецкий государственный университет
(Череповец, Россия)
E-mail: osminkinae@gmail.com

Chiglova Elena Ilinichna

Senior Lecturer,
Cherepovets State University
(Cherepovets, Russia)
E-mail: osminkinae@gmail.com

**СТРАТЕГИИ ОСВОЕНИЯ ЛИЧНЫХ
МЕСТОИМЕНЕЙ И ЛИЧНЫХ
ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ 1-ГО И 2-ГО
ЛИЦА ЕДИНСТВЕННОГО ЧИСЛА
В РУССКОЯЗЫЧНОМ ОНТОГЕНЕЗЕ**

**THE STRATEGIES
OF ACQUISITION OF THE 1ST
AND 2ND PERSON PRONOUNS
AND THE RESPECTIVE FINITE
VERB FORMS IN RUSSIAN
AS A FIRST LANGUAGE**

Аннотация. Статья посвящена стратегиям освоения русскоязычными детьми раннего возраста ядерных элементов функционально-семантического поля личности, которое находит свое выражение в морфологической категории лица. Рассматривается взаимное освоение личных местоимений 1-го и 2-го лица единственного числа в именительном падеже и соответствующих личных глагольных форм. Результаты исследования показали, что для некоторых детей характерен этап, при котором личные местоимения и соответствующие им личные глагольные формы существуют в сознании ребенка по отдельности. Это выражается в отсутствии полносоставных высказываний в детской речи при одновременном наличии в ней личных местоимений и личных глагольных форм.

Ключевые слова: русский язык, онтогенез речи, грамматическая категория лица, персональный дейксис, личные местоимения, личные формы глаголов, продроп, инпут

Abstract. The article deals with Russian-speaking children's strategies of acquisition of the nuclear elements of the functional semantic field of personality that reveals itself in the morphological category of person. One regards the interrelation of first and second person singular pronouns (nominative case) and the respective finite verb forms. It has been found that some children go through a certain stage when the aforesaid personal pronouns and finite verb forms exist in a child's mind separately. It is revealed in absence of non-prodrop sentences together with presence of personal pronouns and finite verb forms.

Key words: Russian language, first language acquisition, grammatical category of person, personal deixis, personal pronouns, finite verb forms, pronoun drop, child directed speech (CDS)

Введение

Освоение категории лица детьми – популярная в последние два десятилетия тема как в зарубежной, так и в отечественной онтолингвистике. Понятие «категория лица» неразрывно связано с понятием «персональный дейксис» (указание на лицо в соответствии с его ролью в акте коммуникации). В русском языке основным средст-

вом выражения семантики персональности являются личные местоимения и личные глагольные формы. Соответственно выделяют местоименный и глагольный дейксис. На сегодняшний день достаточно много работ посвящено освоению местоименного дейксиса русскоязычными детьми, среди них особо следует назвать работы Н. И. Лепской [9], Г. Р. Добровой [5], С. В. Краснощековой [8]. Научная новизна нашего исследования заключается в изучении порядка освоения глагольного и местоименного дейксиса в онтогенезе, что можно рассматривать как способ выявления новых онтогенетических универсалий.

В фокусе нашего исследования находятся личные местоимения 1-го и 2-го лица единственного числа в именительном падеже и соответствующие глагольные формы, поскольку они являются ядерными элементами функционально-семантического поля персональности [1]. Именно усвоение дейктической диады «я–ты» является маркером усвоения персонального дейксиса ребенком, признаком того, что он понимает чужую пространственную точку отсчета [5].

Наличие разветвленной системы личных глагольных флексий в русском языке обуславливает наличие определенных особенностей, которые отличают освоение персонального дейксиса русскоязычными детьми. В частности, если сравнить время появления личных местоимений в речи, то у детей, осваивающих русский язык, местоимения «я» и «ты» появляются в среднем на 5 месяцев позже, чем у их англоязычных сверстников [12], [14]. В соответствии с этим возникает вопрос: как протекает освоение личных местоимений и личных глагольных форм относительно друг друга? Будут ли они осваиваться параллельно и независимо или будут связаны между собой в онтогенезе ввиду своей дейктической общности? Мы допускаем наличие некоего периода на начальном этапе онтогенеза персонального дейксиса, когда личные местоимения и личные глагольные формы существуют в сознании ребенка независимо друг от друга и лишь затем объединяются в ходе развития дейктического понимания и морфологического согласования.

Соответственно цель нашего исследования – рассмотреть освоение детьми ядерных элементов функционально-семантического поля персональности, а именно местоимений «я» и «ты» в именительном падеже и согласующихся с ними личных глагольных форм, и определить наличие периода, при котором личные местоимения и личные глагольные формы существуют в детском сознании параллельно друг другу.

Объектом данного исследования является речь детей в возрасте от 1,5 года до 3 лет (период освоения личных местоимений [5, с. 118–120]), а также инпут – речь, которую слышит ребенок.

Предметом нашего исследования являются ядерные элементы функционально-семантического поля персональности – личные местоимения 1-го и 2-го лица единственного числа в именительном падеже и согласующиеся с ними глагольные формы в изъявительном наклонении и их освоение детьми.

Материалом исследования послужила речь 6 русскоязычных детей и их взрослых собеседников. Материал включает в себя 6189 детских и 7130 взрослых высказываний, содержащих личные местоимения и личные глагольные формы.

Основная часть

Раздельное существование личных местоимений и личных глагольных форм в детском сознании будет выражаться в том, что ребенок, уже используя их в речи

сами по себе, никогда не будет употреблять их одновременно в полносоставных высказываниях, т. е. в высказываниях, содержащих как личное местоимение-подлежащее («я» или «ты» в форме именительного падежа), так и личную глагольную форму. Вместо этого ребенок будет употреблять личные глагольные формы в высказываниях с так называемым продропом. Термин «продроп» (от англ. *pronoun drop* – опущение местоимения) был впервые введен Н. Хомским и традиционно употребляется для обозначения поверхностно невыраженных элементов высказывания – в частности подлежащего местоимения [7].

Русский язык традиционно относится к языкам с продропом, основными признаками которых являются следующие: а) подлежащее, выраженное местоимением и не несущее логического ударения, при определенных условиях может быть опущено; б) имеется развитая система глагольного спряжения [7]. В русском языке опущение местоимений 1-го и 2-го лица может являться эллипсисом, т. е. контекстным или ситуационным опущением элементов высказывания, которые могут быть восстановлены, при этом общий смысл высказывания останется прежним. В то же время в русском языке широко представлена так называемая редукция местоимений 1-го и 2-го лица, т. е. ситуация, при которой восстановление соответствующих компонентов высказывания приводит к изменению общего смысла высказывания (например, обобщенно-личные предложения, неопределенно-личные предложения) [3], [4].

Вышеописанная особенность русского языка приводит к тому, что дети нередко прибегают к продропу, чтобы не употреблять личные местоимения, которые они не вполне еще усвоили, или чтобы избежать необходимости согласования подлежащего, выраженного личным местоимением, и личной глагольной формы. Известно, что русскоязычные дети (как и все дети, осваивающие флективные языки) довольно рано усваивают согласование и крайне редко допускают в нем ошибки даже на начальном этапе освоения морфологии и персонального дейксиса [15]. В то же время известно, что на начальном этапе детская речь аграмматична, т. е. ее грамматика напоминает грамматику изолирующих языков [6]. Логично предположить наличие некоего подготовительного этапа, предшествующего появлению флективной морфологии в языковой системе ребенка. Для определения наличия данного этапа в онтогенезе мы отмечали длительность периода от появления личных местоимений 1-го и 2-го лица единственного числа в именительном падеже и соответствующих глагольных форм в продуцировании до появления первых полносоставных высказываний с данными дейктическими элементами. Согласно лонгитюдному анализу, порядок упомянутых языковых элементов в продуцировании будет следующим:

Соня: 1) «ты»: (1, 10, 13)¹; 2) личная глагольная форма 1-го лица (1, 10, 21); 3) «ты» + личная глагольная форма 2-го лица (2, 1, 23); 4) «я» + личная глагольная форма 1-го лица (2, 2, 21). Таким образом, у Сони полносоставные высказывания появляются сразу – как в 1-м, так и во 2-м лице, т. е. период параллельного существования личных местоимений и личных глагольных форм в индивидуальной языковой системе ребенка не выражен – по крайней мере, в продуцировании.

Саша: 1) личная глагольная форма 1-го лица единственного числа (2, 1, 4); 2) «ты» (2, 1, 1); 3) «я», личная глагольная форма 2-го лица (эхо-имитация) (2, 1, 4);

¹ Здесь и далее в круглых скобках указан возраст ребенка (год, месяц, день).

4) «ты» + личная глагольная форма 2-го лица (2, 3, 6). Как видим, в случае с местоимением «я» у Саши сразу появляются полносоставные высказывания, а в случае с местоимением «ты» между появлением личной глагольной формы и полносоставных высказываний проходит период примерно в 2 месяца.

Надя: 1) личная глагольная форма 1-го лица (1, 9, 2); 2) личная глагольная форма 2-го лица (эхо-имитация) (2, 1, 6); 3) «я» (2, 2, 8); 4) личная глагольная форма 2-го лица (эхо-имитация) (2, 2, 23); 5) «ты» + личная глагольная форма 2-го лица (2, 2, 27). Соответственно, у Нади период перед появлением полносоставных высказываний составляет 19 дней для 1-го лица, во 2-м лице полносоставные высказывания появляются сразу.

Федя: 1) личная глагольная форма 1-го лица (2, 2, 8); 2) «я» (2, 3, 14); 3) «я» + личная глагольная форма 1-го лица (2, 4, 25); 4) «ты» (2, 5, 22); 5) «ты» + личная глагольная форма 2-го лица (2, 6, 16). У Феде для полносоставных высказываний 1-го лица наблюдается разница 1 месяц 11 дней, для высказываний 2-го лица – нулевая.

Витя: 1) личная глагольная форма 1-го лица единственного числа (2, 1, 28); 2) «я» (2, 2, 7); 3) «ты» (2, 3, 25); 4) личная глагольная форма 2-го лица (2, 4, 25); 5) «я» + личная глагольная форма 1-го лица (2, 6, 17); 6) «ты» + личная глагольная форма 2-го лица (2, 7, 7). Как видно, у Вити период перед появлением полносоставных высказываний для глагольной формы 1-го лица составил 4 месяца 10 дней, для 2-го лица – 2 месяца 12 дней.

Лиза: 1) личная глагольная форма 1-го и 2-го лица (1, 9); 2) «я» (1, 11, 25); 3) «ты» + личная глагольная форма 2-го лица (2, 2, 12); 4) «я» + глагольная форма 1-го лица (2, 4, 27). У Лизы полносоставные высказывания во 2-м лице появляются сразу, а для полносоставных высказываний 1-го лица наблюдается разница почти в 5 месяцев.

Таким образом, один ребенок (Витя) демонстрирует наличие периода параллельного существования личных местоимений и личных глагольных форм 1-го и 2-го лица единственного числа. Также один ребенок (Соня) сразу употребляет полносоставные высказывания. У остальных детей период параллельного существования дейктических элементов в речи наличествует только в каком-то одном лице (1-м или 2-м).

Наше исследование было бы неполноценным, если бы мы ограничились только фиксацией появления полносоставных высказываний относительно отдельных дейктических элементов. Наличие упомянутых продропных периодов в речи представленных детей, на наш взгляд, является достаточным основанием для признания того, что параллельное существование личных местоимений и личных глагольных форм в сознании некоторых детей может иметь место.

В то же время тот факт, что некоторые дети начинают продуцировать полносоставные высказывания сразу, говорит о возможности существования разных стратегий при освоении категории лица. С. Н. Цейтлин отмечает в раннем онтогенезе наличие так называемых «морфологической» и «синтаксической» стратегий освоения русской грамматики [10]. Разница между ними заключается в том, что при морфологической стратегии ребенок идет от накопления морфологических форм к построению из них высказываний, в то время как при синтаксической стратегии ребенок сначала строит высказывания, мало заботясь о согласовании слов внутри этих вы-

сказываний. В свою очередь Е. Л. Бровко говорит о морфологической стратегии и противопоставляет ей стратегию конструирования [2], которая во многом схожа с синтаксической стратегией, выделяемой С. Н. Цейтлин.

Согласно результатам анализа речи вышеупомянутых детей, Лиза, Соня и Саша оказались приверженцами морфологической стратегии, а онтогенез речи Вити – яркий пример синтаксической стратегии. Соня сразу начала употреблять полносоставные высказывания в обоих лицах, Лиза – во 2-м лице, а Саша – в 1-м лице. В течение долгого времени Лиза говорила о себе «ты». Таким образом, употребление полносоставных высказываний более характерно для самореференции. В свою очередь Витя демонстрирует период употребления продропа высказываний для 1-го и 2-го лица единственного числа в сочетании с синтаксической стратегией.

У Феде и Нади также наблюдается смешанная стратегия в плане полносоставных высказываний, однако тут накладывает отпечаток возраст начала говорения. Федя – позднозаговоривший ребенок (2,0), а для таких детей характерно ускоренное освоение дейктических элементов [13]. Соответственно отсутствие продропного периода при освоении местоимений и глагольных форм 2-го лица может быть следствием позднего говорения. Надя, в свою очередь, является ранозаговорившим ребенком (0,9). Для ранозаговоривших детей зачастую характерно длительное освоение дейктических элементов. Для Нади также свойствен своеобразный рисунок освоения дейктических элементов, выражающийся в смешении различных стратегий и ошибочных употреблений. В подобном случае трудно говорить о четкой корреляции между стратегией освоения морфологии/синтаксиса и наличием периода отдельного употребления личных местоимений и личных глагольных форм в продуцировании.

Несмотря на то, что общая языковая стратегия – важный фактор, определяющий частную стратегию при освоении категории лица, обе эти стратегии подвержены взаимному влиянию, а также влиянию извне. Под влиянием извне мы подразумеваем инпут – речь, которую слышит ребенок. Подавляющее большинство онтолингвистов признают огромное влияние инпута на онтогенез. Детская речь «питается» от инпута как источника языкового материала. По словам С. Н. Цейтлин, «освоение языка ребенком – конструирование каждым ребенком собственной языковой системы при опоре на получаемый им и самостоятельно перерабатываемый речевой инпут» [11, с. 201].

Таким образом, наличие или отсутствие периода отдельного существования местоименного и глагольного дейксиса в сознании ребенка может быть обусловлено не только его общей языковой стратегией, но и особенностями инпута. Ранее мы говорили о возможности продропа в русском языке. Однако у взрослых носителей русского языка частотность продропа может быть неоднородной. Более того, частотность полносоставных высказываний в речи каждого человека коррелирует с речевыми ситуациями, в которых он чаще всего участвует.

Учитывая вышесказанное, мы предположили, что в инпуте детей, у которых наличествует период параллельного существования местоименного и глагольного дейксиса, доля высказываний с продропом будет ощутимо больше по сравнению с долей полносоставных высказываний. Так, при совместном рассмотрении высказываний в инпуте Лизы было обнаружено более выраженное преобладание полносоставных высказываний над продропными в отличие от инпута Вити:

количество высказываний у Лизы: 1-е лицо – 72 % полносоставных (от общего количества высказываний с элементами 1-го лица единственного числа), 28 % продропных; 2-е лицо – 61 % (от общего количества высказываний с элементами 2-го лица единственного числа) полносоставных, 39 % продропных;

количество высказываний у Вити: 1-е лицо – 70 % полносоставных, 30 % продропных; 2-е лицо – 51 % полносоставных, 49 % продропных.

Характерно, что преобладание полносоставных высказываний в инпуге Лизы наиболее выражено во 2-м лице (см. выше), т. е. в высказываниях, в которых подлежащее обозначает самого ребенка. Согласно проведенным исследованиям, восприятие ребенка эгоцентрично, поэтому «ты» является первичным в восприятии, а «я» – первичным в продуцировании [5]. Напомним, что в течение длительного времени Лиза говорила о себе «ты». Однако количество личных местоимений и личных глагольных форм 1-го и 2-го лица единственного числа в детской речи и инпуге находятся в отношении обратной корреляции: в инпуге наиболее частотным будет 2-е лицо единственного числа, а в детской речи – 1-е лицо единственного числа [8]. Это объясняется тем, что детская речь эгоцентрична по своей природе, в то время как взрослый сосредоточен на ребенке при общении с ним. Таким образом, обилие полносоставных высказываний в инпуге девочки является причиной того, что она практически сразу употребляет полносоставные высказывания при самореференции как в 1-м, так и во 2-м лице. Более того, общая склонность Лизы к употреблению полносоставных высказываний выше, чем у Вити:

количество высказываний у Лизы: 1-е лицо – 73 % полносоставных, 27 % продропных; 2-е лицо – 29 % полносоставных, 71 % продропных;

количество высказываний у Вити: 1-е лицо – 61 % полносоставных, 39 % продропных; 2-е лицо – 12 % полносоставных, 88 % продропных.

Результаты анализа речи мамы Вити показали, что она склонна к употреблению продропных высказываний во 2-м лице единственного числа, например: «Киваешь, да?», «Правильно показываешь» и т. д. Большинство ее высказываний являются ситуативно обусловленными, то есть подкрепленными некими действиями. Исследователи обнаружили, что ситуативная обусловленность способствует усвоению языковых реалий в целом и дейксиса в частности [16].

При анализе инпуга Саши выявлено, что он демонстрирует раннее употребление полносоставных высказываний при самореференции. Мама Саши сообщила, что за две недели до появления местоимений в его речи она стала дублировать свои недейктивные высказывания дейктивными, употребляя при этом полносоставные высказывания: «Мама пьет чай – Я пью чай», «Саша катается на самокате – Ты катаешься на самокате». Вольно или невольно мама Саши применила обучающую стратегию, способствуя появлению в сознании ребенка связи между смыслом недейктивных высказываний и смыслом высказываний дейктивных. Кроме того, все высказывания были ситуативно обусловленными, что усилило обучающий эффект. Надо сказать, что из всех рассматриваемых нами детей у Саши самый короткий период освоения ядерных элементов категории лица.

Все вышперечисленное позволяет говорить о том, что количество полносоставных высказываний в инпуге коррелирует с наличием данных высказываний в детской речи: чем больше полносоставных высказываний в инпуге, тем раньше ребенок начинает употреблять их в речи.

Выводы

В период освоения категории лица для некоторых детей характерно наличие этапа, во время которого личные местоимения «я» и «ты» в именительном падеже и соответствующие глагольные формы существуют в сознании ребенка параллельно, т. е. не встречаясь в пределах одного высказывания. Наличие подобного этапа коррелирует с так называемой синтаксической стратегией, при которой ребенок недостаточно внимателен к морфологической форме. В то же время употребление полносоставных высказываний сразу или почти сразу после появления соответствующих дейктических элементов в речи говорит о внимании ребенка к морфологической форме, т. е. о его склонности к морфологической стратегии. Также наблюдается корреляция с возрастом начала говорения: чем позже ребенок заговорил, тем раньше он начнет употреблять полносоставные высказывания.

Кроме того, время появления полносоставных высказываний в речи ребенка зависит от их количества в инпуте: чем больше таких высказываний с личными местоимениями 1-го и 2-го лица единственного числа и соответствующими глагольными формами в инпуте, тем раньше ребенок начнет их употреблять.

Таким образом, на выбор той или иной стратегии освоения персонального дейксиса оказывает влияние множество взаимодействующих факторов.

Литература

- Бондарко А. В. (ред.) Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. СПб.: Наука, 1991. 371 с.
- Бровко Е. Л. Ваня и Лиза: два пути в синтаксис // Санкт-Петербургская школа онтолингвистики. К юбилею доктора филологических наук профессора Стеллы Наумовны Цейтлин: сборник научных статей. СПб.: Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, 2013. С. 8–17.
- Грудева Е. В. Редукция и эллипсис приглагольных актантов в современном русском языке: вероятностный подход // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. Серия «Филология». 2008. № 2 (12). С. 147–155.
- Грудева Е. В. Эллипсис, нулевой знак, зевгма // Лингвистика от Востока до Запада. В честь 70-летия В. Б. Касевича. СПб.: Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета, 2011. С. 321–329.
- Доброва Г. Р. Онтогенез персонального дейксиса: личные местоимения и термины рода: дис. ... д-ра филол. наук. СПб.: Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, 2003. 492 с.
- Касевич В. Б. Онтолингвистика, типология и языковые правила // Язык и речевая деятельность. 1998. Т. 1. С. 31–40.
- Касевич В. Б. Эллипсис и pro-drop // Acta Linguistica Petropolitana: Труды Института лингвистических исследований. СПб.: Наука, 2014. Т. X, ч. 3. С. 315–323.
- Краснощечкова С. В. Местоименный дейксис в русской детской речи: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2016. 273 с.
- Лепская Н. И. Язык ребенка (Онтогенез речевой коммуникации). М.: Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, 1997. 152 с.
- Цейтлин С. Н. Категория рода в детской речи // Проблемы функциональной грамматики: Полевые структуры. СПб.: Наука, 2005. С. 346–375.
- Цейтлин С. Н. Семантическая категория посессивности в русском языке и ее освоение ребенком // Семантические категории в детской речи. СПб.: Нестор-История, 2007. С. 201–219.

Чиглова Е. И. Соотношение местоименного и глагольного дейксиса в русскоязычном онтогенезе // Проблемы онтолингвистики – 2018: материалы ежегодной научной конференции. Иваново: ЛИСТОС, 2018. С. 136–148.

Чиглова Е. И. Стратегии освоения личных глагольных форм 2-го лица единственного числа в русскоязычном онтогенезе // Ученые записки Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. 2018. № 3 (15). URL: <https://www.novsu.ru/file/1450163>

Owens R. E. Jr. Language Development. Upper Saddle River, New Jersey: Pearson, 2011. 504 p.

Slobin D. I., Bever T. G. Children use canonical sentence schemas: A crosslinguistic study of word order and inflections // *Cognition*, 1982, vol. 12 (3), P. 229–265.

Veneziano E., Parris C. The acquisition of early verbs in French: Assessing the role of conversation and of child-directed input // *First Language*, SAGE Publications, 2010, vol. 30(3–4), P. 287–311.

References

Bondarko A. V. Teoriya funktsional'noy grammatiki. Personal'nost'. Zalogovost' [The Theory of Functional Grammar. Personality. Mode]. St Petersburg: Nauka, 1991. 371 p.

Brovko E. L. Vanya i Liza: dva puti v sintaksis [Vanya and Liza: two ways to syntax]. Sankt-Peterburgskaya shkola ontolingvistiki. K yubileyu doktora filologicheskikh nauk professora Stely Naumovny Tseitlin. Sbornik nauchnyh statej [St Petersburg School of Ontolinguistics. To the anniversary of DLitt. Stella Naumovna Tseitlin. Collection of scholarly articles]. St Petersburg: Herzen University, 2013, pp. 8–17.

Grudeva E. V. Redukciya i ellipsis priglago'l'nyh aktantov v sovremennom russkom yazyke: veroyatnostnyj podhod [Reduction and ellipsis of adverbial actants in modern Russian language: probabilistic approach]. Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina. Seriya «Filologiya» [Bulletin of LGU after A. S. Pushkin. Philology], 2008, no. 2 (12), pp. 147–155.

Grudeva E. V. Ellipsis, nulevoy znak, zevgma [Ellipsis, null and zeugma]. Lingvistika ot Vostoka do Zapada. V chest' 70-letiya V. B. Kasevicha [Linguistics from East to West. On 70th anniversary of V. B. Kasevich]. St Petersburg: The Faculty of Phylology of St. Petersburg State University], 2011, pp. 321–329.

Dobrova G. R. Ontogenez personal'nogo deiksisa: lichnye mestoimeniia i terminy rodstva: diss. ... doktora filol. nauk [The Formation of Personal Deixis: Personal Pronouns and Kinship Terms: Dissertation of Doctor of Philology Sciences]. St Petersburg, 2005. 492 p.

Kasevich V. B. Ontolingvistika, tipologiya i yazykovye pravila [Developmental linguistics, typology and language rules]. Yazyk i rechevaya deyatel'nost' [Language and Speech Acts], 1998, vol. 1, pp. 31–40.

Kasevich V. B. Ellipsis i pro-drop [Ellipsis and pro-drop]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy In-ta lingvisticheskikh issledovaniy* [Acta Linguistica Petropolitana: Research works of Institute of Linguistic Research]. St Petersburg: Nauka, 2014, vol. X, p. 3, pp. 315–323.

Krasnoshchekova S. V. Mestoimennyy deyksis v russkoy detskoj rechi: diss. ... kandidata filol. nauk [Pronominal Deixis in Russian Child Speech: Dissertation of PhD in Philology Sciences.]. St Petersburg, 2016. 273 p.

Lepskaja N. I. Iazyk rebenka (Ontogenez rechevoi kommunikatsii) [Child Language (the formation of speech communication)]. Moscow: Moscow State University after M. V. Lomonosov, 1997. 152 p.

Tseitlin S. N. Kategoriya roda v detskoj rechi [The Category of Gender in Child Speech]. *Problemy funktsional'noj grammatiki: Polevye struktury* [The Problems of Functional Grammar: Field Structures]. St Petersburg: Nauka, 2005, pp. 346–375.

Tseitlin S. N. Semanticheskaya kategoriya possessivnosti v russkom yazyke i eyo osvoenie rebenkom [The Semantic Category of Possessivity in Russian and its Acquisition by a Child]. *Semanticheskie kategorii v detskoj rechi* [The Semantic Categories in Child Speech]. St Petersburg: Nestor-Istoriya, 2007, pp. 201–219.

Chiglova E. I. Sootnoshenie mestoimennogo i glagol'nogo dejksisa v russkoyazychnom ontogeneze [[The interrelation of personal pronoun and verbal deixis in Acquisition of Russian as a First Language]. *Problemy ontolingvistiki – 2018. Materialy ezhegodnoj nauchnoj konferencii* [The Problems of Developmental Linguistics – 2018. Proceedings of the annual scientific conference]. Ivanovo: LISTOS, 2018, pp. 136–148.

Chiglova E. I. Strategii osvoeniya lichnyh glagol'nyh form 2-go lica edinstvennogo chisla v russkoyazychnom ontogeneze [The Strategies of Acquisition of the Second Person Singular Verb Forms in Acquisition of Russian as a First Language]. *Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Yaroslava Mudrogo* [Academic Notes of Yaroslav-the-Wise Novgorod State University], 2018, no. 3 (15). Available at: <https://www.novsu.ru/file/1450163>

Owens R. E. Jr. *Language Development*. Upper Saddle River, New Jersey: Pearson, 2011. 504 p.

Slobin D. I., Bever T. G. Children use canonical sentence schemas: A crosslinguistic study of word order and inflections. *Cognition*, 1982, vol. 12 (3), pp. 229–265.

Veneziano E., Parisse C. The acquisition of early verbs in French: Assessing the role of conversation and of child-directed input. *First Language, SAGE Publications*, 2010, vol. 30(3–4), pp. 287–311.

Для цитирования: Чиглова Е. И. Стратегии освоения личных местоимений и личных глагольных форм 1-го и 2-го лица единственного числа в русскоязычном онтогенезе // Вестник Череповецкого государственного университета. 2019. № 1 (88). С. 125–133. DOI: 10.23859/1994-0637-2019-1-88-12

For citation: Chiglova E. I. The strategies of acquisition of the 1st and 2nd person pronouns and the respective finite verb forms in russian as a first language. *Bulletin of the Cherepovets State University*, 2019, no. 1 (88), pp. 125–133. DOI: 10.23859/1994-0637-2019-1-88-12